

Елена Гордеева

Шкатулка

16+

Елена Олеговна Гордеева

Шкатулка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67360290

SelfPub; 2022

Аннотация

Случай из жизни автора. О том, как иногда бывает стыдно в ситуации, которая этого и не предвещала.

Елена Гордеева

Шкатулка

День рождения как то вдруг перестал быть праздником: телефонные звонки, слова родных и близких неизбежно перемежались бурным словоблудием занимаемой должности. Любимые мною цветы в этот день перестали радовать, из-за их изобилия и модных тогда лилий болела голова и почему-то возникали ассоциации с чем-то неприятно Гоголевским.

Именно поэтому однажды в феврале вместо тривиального именинного фейерверка получилось сделать себе любимой неурочный подарок – незапланированно поехать отдыхать из зимы в лето. Против обыкновения не с мужем, который был по уши занят на работе, а с подружкой. Сейчас это обыденное мероприятие, комфортно летать в арабские эмираты или куда, позаквырестей, а тогда мы только что отстали от воров, то есть от советского образа упорядоченной строевой жизни и не пристали к лебедям – вожденной свободы передвижения.

По причине экономии мы беззаботно выбрали самый дешёвый на тот момент тур – в Египет. Беззаботно, читай легкомысленно, так как не случайно тур был так дешёв. Несколько месяцев назад в ноябре 1997 года в Луксоре был

осуществлён на тот момент самый жестокий по отношению к туристам теракт. Около храмового комплекса были расстреляны все шестьдесят подъехавших экскурсантов. Это были граждане Германии, Великобритании и Швейцарии. Террористы хотели напугать всех и вся и подорвать самую доходную статью египетского бюджета – туризм. Эта задача им удалась. Несмотря на то, что их вскоре их поймали и наказали, поток желающих полюбоваться пирамидой Хеопса, Сфинксом и поплавать зимой в тёплом море не то чтобы сократился, он просто иссяк. Благоразумные европейцы ещё не привыкли к изобилию терактов, и не только не покупали путёвки, они отказались от уже купленных, забронированных заранее.

Единственно, не избалованные русские туристы, относительно недавно получившие доступ к загранице, и ещё в своей массе не созревшие до Мальдив и Филиппин, не дрогнули и проголосовали своими небольшими деньгами. В 1998 году, до дефолта, 14-дневная путёвка в Египет в приличном отеле стоила 500 долларов. Мы с Галкой посчитали, что снаряд в одну воронку два раза не падает, и оказались в Хургаде.

Февральская погода после Сибири радовала. Тепло, но не жарко, комфортно освежающее море, в меру экзотическое питание. Сутки провалялись на пляже, отоспались и выползли на променад. Курорт не совсем походил на курорт. Отели стояли полупустые, тёмные, некоторые были и вовсе закрыты. Многочисленные сувенирные лавочки тоже были боль-

шей частью запакованы. Неосторожный взгляд на прилавок с платками побудил торговцев выскочить к нам с таким бурным желанием хоть что-то продать, что мы с трудом отцепив настойчивые руки, испугались и поспешно ретировались в отель.

Посоветовавшись, решили создать группу поддержки для себя гендерно незащищенных в патриархальной мусульманской стране. С этой целью выдвинулись на собрание нашей группы в холл отеля. Все акклиматизировались и бесстрашно жаждали приобщиться к культурному наследию Египта. Долго не раздумывая, мы, как и все, ничтоже сумняшеся, записались в печально известный Луксор (как же не посмотреть на долину фараонов), соблазнились, предавшись стандартному чувству, Каиром – смотреть на золотого Тутанхамона и пирамиду Хеопса со Сфинксом. Гидом-руководителем был советский египтолог родом из Ташкента по имени Фархад, он же многолетний обозреватель по Ближнему Востоку Центрального ТВ, естественно много лет проживший в Египте. Нам сказочно повезло, он подрабатывал, а мы о таком уровне даже не могли мечтать: слушали, открыв рот.

В заключении, уже после того, как все оплатили путёвки, Фархад добавил, что террористов нам бояться не надо, так как автобусы соберут со всего курорта в колонну и они поедут с двумя БТРами. Один впереди колонны, второй сзади. После такого дополнения одна пара отказалась от Луксора, но не от Каира с Хеопсом.

У нас с подружкой была на этом собрании дополнительная миссия найти пару с женщиной, к которой можно было бы прибиться, подружиться и ходить за пределы отеля не как бедные Козетты. Выбор был невелик. Молодожёнов с беременной женой мы отбросили сразу. Далее были забракованы две пары пенсионеров – мужская их половина выглядела не убедительно и субтильно. Оглядев оставшийся контингент молодых бабушек с детьми и прочих туристок женского пола, мы остановили свои взоры и надежды на сидевших напротив нас здоровенного мужчину лет 40 и его подружку лет 30. Дама гордо демонстрировала невиданных размеров бюст, а её спутник по-хозяйски придерживал её за плечи.

Галка засомневалась, а я, ещё раз окинув наше слабосильное окружение, подтвердила: «то, что надо!» и ринулась наводить мосты, естественно к бюстоносице: «Ой, как вы загорели!, Каким кремом пользуетесь?, с собой привезли или здесь купили?» и т. д. Дело нехитрое, уже через час мы загорали рядом и узнали, что Мила – медсестра в ЦКБ, а Олег там же работает кардиохирургом. Отношения у них внебрачные, так как Олег женат. Однако это прискорбное для Милы обстоятельство не мешало им замечательно проводить время. Была куплена в Дьюти-Фри многолитровая бутылка виски на тележке с колёсиками с целью обеспечить нужный градус отдыха в тогда безалкогольной стране. Мы, не переставая «благодарить и кланяться», отклонили радушное и щедрое приглашение вечером зайти к ним выпить за знакомство, од-

нако не забывая попутно восторгаться Милиными формами, посетовали, что оказались в дикой стране одни без надёжного мужского плеча: «даже в магазин выйти страшно, а ведь не интересно ходить только по экскурсиям строем с группой. . .» Принявший аперетив Олег тут же предложил «ходить» вместе с ними. Мила благосклонно улыбнулась. Союз Молотова–Риббентропа был заключён.

Дни покатались, как апельсины по желобу соковыжималки в отельном ресторане: яркие, солнечные и беззаботные. Это были последние годы до сплошной мобильной телефонии. Конечно, можно было купить карту и позвонить, хоть с пляжа. Но это стоило ощутимых денег, а тогда, как, впрочем, и сейчас, все считали деньги. Зато отпуск действительно был отпуском. Голова отключалась от работы и, кажется, даже начинала гулко звенеть. Перезагрузка.

Очень нравилось выйти по яхтенному пирсу подальше от берега и смотреть на красивых разноцветных рыбок кислотных расцветок. Я высматривала жёлтую с фиолетовым флагом на боку и, отметившись, шла выбирать мороженое. Мила тем временем фрапировала пляжный обслуживающий персонал загоранием топлес. Он, персонал, начинал искать заделёе поближе к её бюсту, бросая на него остановившиеся взоры. В ресторане официанты бросались услужить Миле, простодушно заглядывая в необъятное декольте и фамильярно поздравляли довольного Олега с прекрасным выбором.

Галочка моя, вполне свободных взглядов, тем не менее,

фыркала, считая такое поведение моветоном. С ней трудно было не согласиться, ведь мы находились в мусульманской стране, и пусть на территории отеля особые правила, но... всё перевешивало простодушное желание продемонстрировать недавно обретенные формы.

От избытка хорошего настроения и жизненных сил, вспомнив занятия гимнастикой, я как-то присоединилась к небольшой группе перед бассейном и с энтузиазмом позанималась танцевальной аэробикой. Тут же получила липкое приглашение прокатиться на яхте от увешанного золотом араба. На территории отеля всё прилично и безопасно, но всё-таки лучше с Милой. Тем более, она во многих отношениях оказалась вполне компанейской. Охотно откликалась на все наши предложения и таскала за собой Олега, который (дополнительный бонус) прилично знал английский. Это помогало в общении с местным населением, помнящим времена, когда Египет был английской колонией.

Выбранные экскурсии прошли напряжённо и интересно. Почему интересно, – понятно, а напряжённо, – потому что физически было тяжело. В Каир нас загрузили в три часа ночи, потом час собирались в колонну, наконец выехали, и весь автобус тут же заснул, а я, так как никогда не умела спать сидя, сидела у окна и смотрела сначала в предрассветных сумерках на возглавляющие и замыкающие нашу колонну из шести автобусов БТРы. Когда стало светать, на изгибах дороги стало хорошо видно стволы пушек. Стало ещё светлее

и обнаружилось, что мы едем вблизи моря. С одной стороны – песчаные барханы, с другой – плоский и бесконечный жёлто-песчаный берег Красного моря. Наша колонна, как нелепая гусеница проползала по краю времени. А потом пришёл восход солнца – обыденный и свирепо волшебный и такой..., что, кажется, умирать буду, а перед глазами будет стоять огромный слепящий диск выплывающего из воды солнца, меняющий цвет моря и неба, только-что блёкло серых на победительно синий. Я смотрела во все глаза: море, солнце, песок – и так многие тысячелетия и домена и после – и чувствовала себя меньше песчинки этого прекрасного и грозного мира. Думала: как это предсказуемо – молиться солнцу.

Весь автобус увлечённо спал.

Просыпаться стали уже к восьми утра, когда подъезжали к Каиру. Дальше всё было по программе, но вернулись мы опять ночью и весь следующий день приходили в себя. Луксор был к нам ближе, поэтому обошлось всё без ночных побудок, но опять с БТРами.

Всё проходит, прошёл и наш отпуск. Мы с Галкой заскучили и засобирались домой. Пришло время купить своим домашним какие-то подарки, и мы вчетвером собрались и поехали в ближайший городок. Покупать особо ничего не получалось – ничего не нравилось. Ходили мы, предводительствуемые Олегом, смеялись, что он ходит, как мусульманин с гаремом. Хотя наш расчёт оказался верен, торговцы говорили с ним, нам только показывали, за руки не хватали, каж-

дый к своему прилавку не тащил. Лениво шли по пустынным рядам: продавцы, продавцы и редкие туристы. Неожиданно моё внимание привлёк большой и нарядный для того местечка магазин, в котором продавались очевидно недешёвые инкрустированные шкатулки. Мы зашли и я поняла, что это именно то, что я хочу увезти из Египта. Пусть это будет мне подарок ко дню рождения. Шкатулки были разные: большие, как ларцы, и маленькие – с ладошку. Просматривалась закономерность: чем больше размер, тем тоньше работа. Рисунки были самые разные: от абстрактных и орнаментальных до сюжетных. Последние были самыми интересными. Выбрать было непросто – глаза разбегались. Олег, которого я призвала на помощь, сказал мне, чтобы я выбрала и показала ему, а уже торговаться будет он сам, и чтобы я стояла и не вмешивалась. Продавец, пожилой мужчина, даже старик, с покрытой годовой в какой-то бесформленной хламиде, суетясь, стал показывать мне товар, что-то рассказывал и поглаживал тёплое нагретое дерево, коричневыми, как и шкатулки, руками. Доставал новые, демонстрировал бархатную внутренность, наличие отделений. Ему помогал хорошенький мальчик лет восьми – я подумала, что это его внук. Наконец, я выбрала большой ларец, весь в картинах египетского эпоса: на крышке – бог в колеснице, по бокам – крестьяне занимаются земледелием и ремёслами. Инкрустации выполнены из кости, камней и металла. Шкатулка явно была дорогая, внутри бордово-бархатная, двухуровневая. Не

говоря про материалы, работа там была не маленькая, и старик нарисовал мне на бумаге двести долларов, зачеркнул и снизу написал сто пятьдесят. Олег отодвинул меня, указал мне на дверь, и я присоединилась к Галке и Миле.

Началась торговля. Милка заверила меня, что Олег сейчас покажет класс. Я прикидывала, что семидесяти пяти долларов мне за такую память о боге солнца не жалко, – ведь торговцы, как мы поняли, всегда завышают цену вдвое. Покупателей–туристов совсем не было, и привлечённые шумной торговлей к дверям магазинчика подошли соседние продавцы. Я прислушалась, даже моего скудного английского хватило, чтобы понять, что Олег предлагает только двадцать пять долларов. Старик пытался бороться, он нервничал, щёлкал пальцами и уже спустился до пятидесяти. Я попыталась Олегу сказать, что достаточно, цена хорошая, но он, пахнув перегаром, в азарте отмахнулся от меня. Торг выглядел, как неравный бой: старик со своим не дешевым товаром, который обходили экономные русские туристы, жаждал продать. Он то показывал внуку в рот, то начинал тыкать заскорузлым пергаментным пальцем в тонкие инкрустации, и против него похохатывающий, красный от солнца, мордастый и русый Олег, который небрежно достал из бумажника двадцать пять долларов и положил их на шкатулку. Старик, стараясь не глядеть на деньги, сказал тридцать. Олег протянул руку к зелёным бумажкам, и старик со страдальческим лицом не выдержал, взял деньги. Олег небрежно взял мою

шкатулку под мышку и прихватил ещё маленькую шкатулочку со словами «презент, презент» двинулся к выходу. Египтянин кинулся к нему, пытаясь отнять маленькую коробочку, но Олег тогда положил обе шкатулки на прилавок и протянул руку, требуя деньги обратно.

Он вышел победителем со словами: «это я заработал!», отдал маленькую шкатулку Миле и повёл нас домой. Я оглянулась, старик стоял на пороге своего ярко освещённого магазина и, жестикулируя, гневно кричал, что-то яростное нам вслед. Мальчик выглядывал из-под его руки – за всё время он не проронил ни слова. Соседи-торговцы теньями стояли по бокам и молча смотрели на нас.

Шкатулку я оставила. Она стоит мне на недобрую память, необычно красивая и злая – в ней я храню всё потребное для шитья: паутины ниток, острые иголки и лупастые пуговицы, и каждый раз, как я беру её, а беру я её часто – я помню что должна...